

Мотылек

Летняя ночь, словно черный бархат, мягко обволакивает все вокруг. Как бриллианты в витрине ювелирной лавки, на этом бархате сверкают звезды и жемчужное ожерелье лунной дорожки, бегущей по глади озера. Наполнив пространство сладкой истомой, воздух замер, будто и нет его вовсе. Вместе с ним погрузились в сон и деревья, и кусты, и даже фонарь, низко висящий над столом. Пронзительная тишина нарушается лишь руладами соловья, доносящимися с другого берега, да порывистым жужжанием мотылька, который все кружит и кружит около фонаря под картонным абажуром.

За столом двое: отец и дочь. Перед ними пузатый чайник, накрытый фланелевым колпаком в форме матрешки, которая не дает ему быстро остывать, чашки с крепким обжигающим чаем и небольшая миска малинового варенья. Ягоду они собирали вместе, здесь, на даче, да и варили его вместе тут же. Только было это в прошлом году, когда дочь еще приходила перед сном прощаться и по заведенной с детства традиции долго стояла в дверях, рассказывая о своих мечтах, надеждах и страхах. Она не скрывала от отца ничего, а ночной полумрак, в котором не было видно взгляда, создавал атмосферу доверительности и вызывал на откровенность.

Матери, которая умерла при родах, она не знала, и поэтому отец был ей очень близок. Впрочем, с его мягким характером и душевной чуткостью, взаимопонимание с дочерью все равно бы возникло, даже если бы не эта трагическая утрата. Много раз, глядя на играющую в куклы дочку, ему становилось до слез жаль – нет, не себя, который потерял любимого человека, а вот эту маленькую девочку, не знавшую теплоты и нежности материнских рук. Оттого, наверное, он и жил ее интересами, нежно оберегая ее ранимую душу.

В последнее время что-то изменилось в их отношениях, надломилось, треснуло. Поначалу едва заметная, трещинка двигалась все дальше и дальше, оставляя за собой извилистую дорожку, которая, как межа, разделяла два доселе единых мира. Вот стали появляться недомолвки в ее рассказах, с очевидной осторожностью она стала обдумывать и подбирать слова, прежде чем сказать их; вот уж и сами рассказы сделались краткими и бесцветными, словно отчеты на собрании; а там и рассказы ушли в прошлое – осталось лишь пожелание «спокойной ночи» да сухой поцелуй, который, словно удар током, отзывался болью в сердце отца.

Все это началось, когда дочь перешла на второй курс и неожиданно сдружилась со студенческой компанией туристов-водников, а особенно с их заводилой – Владом. Только однажды Влад побывал у них дома, но отцу и этой краткой встречи было достаточно, чтобы понять, как далек и чужд был мир этого самоуверенного ловеласа романтической и утонченной душе его дочери. Она же, будто зачарованная гипнотическим взглядом, покорно повиновалась воле своего властного друга. Отцу было больно видеть, как она восторженно смотрела на Влада и всячески старалась подражать его развязной манере говорить и держаться.

Настоящих друзей у нее никогда не было. С детства она была болезненным ребенком и потому мало общалась со сверстниками. Отец никогда не отдавал ее ни в ясли, ни в детский сад. Пока жива была бабушка – внучка оставалась с ней, когда отец уходил на работу. Потом, когда и бабушки не стало, он нанимал сиделку. В школьном

возрасте дочка уже могла оставаться дома одна. Поначалу это ее пугало и тяготило, но вскоре она научилась находить друзей и собеседников в книгах, которых в их доме было великое множество. Сказочные персонажи, благородные рыцари, отважные пираты, искатели приключений ... – это был ее мир, полный романтики, дальних странствий, преданной дружбы и возвышенной любви.

После того визита Влада отец пытался поговорить с дочерью и раскрыть ей глаза, но неожиданно натолкнулся на стену непонимания или, скорее, нежелания слушать правду. Она расплакалась и умоляла не говорить ничего. Так и возникла трещинка в их отношениях. В последующие дни и недели он начинал этот разговор опять, но всякий раз ее слезы заставляли его замолчать. Отец и сам готов был плакать от отчаяния. Его дочь – это умное и нежное существо – все сильнее и сильнее увязала в паутине, которая могла ее погубить.

Она очень изменилась: то делалась необыкновенно и даже неестественно веселой, то погружалась в глубокую задумчивость и меланхолию. Приступы ее почти истерической веселости пугали отца в той же мере, в какой и сменяющая их рассеянная отстраненность. Она и одеваться стала иначе, и даже отстригла свою чудесную русую косу. Теперь в ее гардеробе появились джинсы с дырами на коленках и мешковатые пуловеры с бессмысленными надписями.

Временами отца посещали сомнения: а может быть, все его страхи напрасны? Не век же ей оставаться маленькой «домашней» девочкой. Не говорит ли в нем обыкновенный отцовский эгоизм или даже ревность? Когда-то ведь она все равно уйдет, и он не в праве ее удерживать. Но нет, это все не то, совершенно не то ... Этот Влад – он абсолютно чужой, он из другого мира, он погубит ее. Отцовское сердце подсказывало ему, что дочь стоит у края пропасти. Он должен ее уберечь.

В начале весны компания Влада стала строить планы на предстоящее лето. Они собирались сплавиться на байдарках по какой-то горной реке в Китае, по маршруту с самой высокой категорией сложности. Дочь сообщила об этом мимоходом за завтраком, добавив, что вместе со всеми уже подала документы на заграничный паспорт. Как будто боясь услышать возражения, она тут же попрощалась и убежала, сказав, что опаздывает на лекцию.

Если неприятие дружбы с Владом еще могло иногда подвергаться сомнениям, то безрассудный риск подобного байдарочного похода был совершенно неприемлем. Отец не успел ничего сказать сразу и целый день мучался, придумывая аргументы и строя фразы, чтобы убедить дочь отказаться от опасной затеи. Вечером состоялся разговор, к которому она, по-видимому, тоже готовилась. На все доводы отца она отвечала пространно и очень эмоционально. Суть ее ответов сводилась к тому, как необыкновенно красива и романтична эта горная река, и сколь опытен и надежен Влад, у которого был какой-то там разряд по байдарочному спорту. Разговор так ничем и не закончился. Устав от спора, они разошлись по своим комнатам. Утром завтракали молча, неосознанно боясь, что спор может перерасти в ссору.

Дочь давно уже была взрослой, поэтому просто взять и запретить ей идти в этот поход отец не мог. Да и деньги у нее были свои. Не так много, но на билет и снаряжение вполне хватало. Она училась на филолога, знала уже три языка и подрабатывала переводами. Совсем недавно как раз закончила переводить с английского несколько томов документации для какой-то западной компании, которая собиралась строить завод в России.

Недели шли за неделями. Дни становились теплее. Вопреки обыкновению, приближение лета не радовало отца. Мысли о том, что его хрупкая, совершенно неопытная девочка отправится в опасное путешествие, да еще в компании с каким-то

безрассудным авантюристом, полностью захватили его сознание. Он не мог радоваться ничему и постоянно находился в подавленном состоянии.

Коллеги по работе заметили в нем эту перемену. Обычно веселый и добродушный, он сделался совершенно другим – как в тот давний год, когда потерял жену. Тогда он работал на заводе – экономистом. В бухгалтерии были почти одни женщины, которые всячески старались выказать ему свое участие. Нашлись среди них и столь сердобольные, что решили подыскать новую спутницу молодому вдовцу. Их старания были настолько явны и навязчивы, что ему пришлось уйти с завода.

Потом он еще несколько раз переходил с места на место, а теперь работал в частном банке – руководил группой молодых математиков, которые анализировали инвестиционные риски. Большой карьеры сделать не удалось – это потребовало бы всей его энергии, которую он приберегал для дочери. По вечерам он всегда спешил домой, старался не задерживаться, даже если работа была срочная, отказывался от командировок, и почти никогда не ходил на презентации и корпоративные вечеринки. В банке, тем не менее, ценили его опыт, знания и способность мыслить аналитически.

Виктор, один из банковских менеджеров, который был, пожалуй, единственным его другом, не раз и не два пытался поговорить с ним по душам – призывал проявить хоть чуть-чуть больше рвения и политического такта, ведь тогда он смог бы стать во главе отдела. Но для заботливого отца интересы дочери были превыше всего. Теперь она выросла и как будто не нуждалась в ежечасной опеке, но он все же чувствовал сердцем, что необходим ей.

Рассказав все Виктору, который одним из первых обратил внимание на его подавленность, он немного облегчил душу, получил дружеское сочувствие, но дельного совета так и не добился. Да и что тут посоветуешь? Через неделю, правда, Виктор пригласил их с дочкой к себе в гости, где как будто случайно оказался священник – хороший знакомый Виктора.

Священник много говорил о ценности жизни, дарованой человеку Господом, о неразумности и даже греховности подвергать этот дар бессмысленному риску, приводил примеры безрассудной гибели альпинистов и контрпримеры жертвенной смерти одних во спасение других. Разговор за столом был общий. Никто к новоиспеченной спортсменке напрямую не обращался и не упоминал ни байдарки, ни опасные пороги и водопады на горных реках, но было очевидно, что эта встреча устроена специально для нее и что она все поняла. Слушая молча, она смотрела в глаза священнику с непонятным выражением то ли согласия, то ли протеста. Когда они уходили, священник подарил девочке небольшую, размером с ладонь, икону с изображением Богородицы, которую та приняла с благодарностью и благоговением, удивившим отца. На улице он извинился, сказав, что не знал о приглашенном священнике и вовсе не собирался привлекать посторонних, чтобы переубедить ее. Она же только удивленно вскинула брови и посмотрела на него молча и задумчиво.

Никогда раньше икон в их доме не было. Подарок священника поставили в гостиную на маленькую полочку, убрав с нее кактус. Всякий раз, проходя мимо, отец не мог отделаться от мысли, что Богородица провожает его взглядом. Однажды он даже остановился, посмотрел ей в глаза и перекрестился, хотя никогда прежде этого не делал. Верующим он не был, но и к атеистам не относился. Религия для него была чем-то вроде философского учения, к которому он испытывал почтение.

Подготовка к байдарочному походу шла между тем полным ходом. По субботам, а иногда и в будни, дочь возвращалась домой поздно. Влад собирал свою группу, проводил какие-то занятия. Они изучали карту и рельеф местности, по которой предстояло пройти, закупали необходимое снаряжение, а то и просто болтали и пели туристские песни. Отец еще несколько раз пытался отговорить ее от участия в этой

авантюре. Она больше не возражала. Просто молча слушала, делалась грустной и ничего не отвечала.

В банке уже привыкли к его мрачной задумчивости. Дело свое он знал хорошо и работу выполнял успешно. В мае один из его подопечных математиков под большим секретом сообщил ему, что скоро уходит в некую инвестиционную компанию, где и зарплата и отпуск больше, а также, что этой компании нужен опытный финансист, и позвал его с собой. Молодой сотрудник был столь эмоционален и напорист, что он согласился сходить на собеседование. В конце концов можно просто посмотреть, а отказаться всегда успеешь.

В день, когда должно было состояться собеседование, он подвернул ногу, выходя из дома, и пролежал в кровати три дня. Собеседование перенесли на неделю, но оно опять не состоялось. В тот день в здании, где располагалась инвестиционная компания, сработала пожарная сигнализация, и всех эвакуировали. Еще через неделю он, наконец, попал на собеседование. Люди, с которыми он там говорил, были подчеркнуто вежливы и, как ему показалось, даже через чур любезны. Они обещали интересную работу и сулили золотые горы. Но привлекло его не это, а возможность работать дома и появляться в компании лишь раз или два в неделю. За многие годы, посвященные воспитанию дочери, отец так привык выкраивать каждую лишнюю минутку, чтобы провести побольше времени со своей девочкой, что не в силах был устоять перед такой возможностью. Он тут же согласился, даже и не подумав о том, что девочка давно выросла и большую часть этого «свободного» времени он все равно будет проводить в одиночестве.

На другой день он рассказал все Виктору. Тот лишь покачал головой и усомнился в правильности такого поступка, но отговаривать не стал. «Ну, что ж, если ты так решил, пиши заявление об уходе», – сказал он. – «Я сам отнесу его начальству на подпись». Взяв из рук друга заявление, Виктор положил его в свой портфель и, немного помедлив, защелкнул замок, звук которого отозвался эхом в его просторном кабинете.

Это было в пятницу. Всю субботу дочь, как обычно, провела в компании байдарочников, а в воскресенье они с отцом поехали на дачу. В утренней электричке было полно народу. Май был холодным, и вот теперь, в начале июня, когда наконец-то пришло тепло, все спешили на свои огороды – кто с помидорной рассадой, кто с саженцами деревьев или кустов, а кто и просто так – подышать воздухом. Направляясь к выходу, когда поезд стал приближаться к их остановке, отец с дочерью пробирались между корзин и мешков.

Шедшая впереди дочь вдруг остановилась и замерла. Заглянув через ее плечо, отец увидел Влада. В первый момент он даже не узнал его. Тот был в матросской тельняшке, за спиной у него болталась ковбойская шляпа на длинном шнурке. Влад сидел у окна в обнимку с девушкой, тоже одетой в тельняшку. Не обращая ни на кого внимания, а может быть даже и с вызовом, они страстно целовались. Старушки, сидевшие напротив, молчали. Одна делала вид, что смотрит в окно, две другие опустили глаза в пол.

Почувствовав, что что-то не так, Влад прервал свой долгий поцелуй и поднял взгляд. На мгновение он смутился было, но быстро вернулся к своей непринужденной манере держаться. «А, привет!», – сказал он отцу с дочерью и даже попытался сделать какой-то приветственный жест рукой. Дочь бросилась к выходу. Отец поспешил за ней.

На платформу выгрузилось много дачников. Электричка уехала, а они очень быстро разошлись. Отец и дочь остались одни. Она стояла спиной к отцу, плечи ее тряслись. Ни слова не говоря, она повернулась и, уткнувшись лицом в его грудь, беззвучно плакала.

В тот день они не стали окапывать кусты, как планировали. Просто ходили молча по берегу озера, потом пили чай с вареньем. Она была рядом, но как будто где-то очень далеко. Отца пугало это ледяное молчание, но сердцем он чувствовал, что лучше ничего не говорить. Домой вернулись рано, и она сразу же ушла в свою комнату, а отец долго смотрел на икону и пытался прочесть хоть какой-то совет в глазах Божьей Матери.

Через пару дней он зашел к Виктору узнать о судьбе своего заявления. Секретарша сказала, что Виктор Петрович еще в понедельник утром срочно отбыл в командировку и вернется только в субботу. Всю неделю он ходил, как в тумане. В душе его боролись два чувства: с одной стороны он радовался произошедшему разрыву дочери с Владом, но с другой – в нем клокотало негодование: «Как посмел этот ничтожный прохвост обмануть его дочь!».

В субботу утром вместо ставшего уже привычным похода на занятия байдарочников дочь сама предложила отправиться на дачу и заночевать там. Весь день они работали в саду и вот теперь в сумерках сидели на веранде за столом, над которым висел фонарь под картонным абажуром, и молча пили чай с малиновым вареньем. Под абажуром жужжал мотылек, пытаясь сесть на горячую лампу. Отец не обращал на него внимания, а дочь пыталась отогнать глупое насекомое в темноту, подальше от смертельного огня.

В доме раздался звонок сотового телефона. Отец встал и быстро пошел в комнату. Это звонил Виктор.

– Ты знаешь, – сказал он, – а я ведь не успел отдать твое заявление на подпись. Оно так и пролежало в моем портфеле.

– Да ладно. Не переживай. В понедельник отдашь.

– Ну нет, теперь я его уже порвал.

– Как это!?

– Да ты, видно, не знаешь последнюю новость, – сказал Виктор возбужденно. – Компания, куда ты собрался переходить, оказывается занималась отмыванием денег. Вчера их президента арестовали, и у них был обыск. Телевизор надо смотреть!

– Ну и дела! А у меня тоже новость есть..., – и он рассказал о внезапном конце отношений дочери с Владом.

Закончив разговор, он пошел на веранду, а в памяти явственно возникли глаза, которые смотрели на него с иконы. Не доходя до двери, он остановился и перекрестился.

Дочь все так же задумчиво сидела за столом. А неразумный мотылек с неизбывным упорством все кружил и кружил вблизи раскаленной лампы. Где уж ему понять, что совсем рядом есть кто-то несравненно более сильный и прозорливый, кто видит не только блеск и сияние лампы, но и опасность, таящуюся в ней, и хочет уберечь его от беды.